

УДК 82/89; 951 (575.2) (04)

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ ХУЭЙЦЗУ О МУДРОСТИ, СМЕТЛИВОСТИ И НАХОДЧИВОСТИ

И.С. Шисыр – канд. фил. наук

Huetsu life tales of Central Asia are under consideration in this article. They are divided into fairy tales about “difficult tasks”, “sage judges”, “quick decisions”, “happy thief”, etc.

В сказочном фольклоре хуэйцзу довольно много бытовых сказок о мудрости, сметливости, находчивости и глупости. Ни в одном другом бинарном сюжетно-тематическом разряде мы не обнаружили столько текстов, что свидетельствует о бесспорной популярности этого сюжетно-тематического разряда.

Бытовые сказки хуэйцзу о мудрости, сметливости, находчивости достаточно разнообразны по тематике и распадаются на простые самостоятельные составные части. В данном сюжетно-тематическом разряде совершенно отчетливо прослеживаются подразряды “о трудных задачах”, “о мудрых судьбах”, “о сметливом паршивом”, “о находчивых решениях”, “об удачливых ворах” и т.д. Рассмотрим известные сказки по этим сюжетно-тематическим подразрядам, поскольку в признанных сюжетных указателях сказок – А. Аарне, Н.П. Андреева, С. Томпсона и других фольклористов – считались кардинальной единицей анализа жанров.

О трудных задачах. Этот подразряд является трансформированным волшебными сказками. В процессе исторического развития из целого ряда сюжетов волшебных сказок выпали неземные дарители, чудесные помощники, магические предметы и другие фантастические элементы, которые помогали главным персонажам решать создававшиеся их противниками проблемы. Со временем все функции волшебных помощников соответственно перешли к положительным героям.

В процессе дальнейшего освобождения таких сюжетов от элементов чудесного происходит формирование эстетической традиции рассматриваемого подразряда бытовой сказки о трудных задачах. Главным источником вдохновения героев в преодолении сложных обстоятельств здесь считаются человеческие умственные возможности. Таким образом, в бытовой сказке постепенно вырисовывается новый разряд занимательных сюжетов.

В бытовой сказке сюжеты о трудных задачах носят социальный характер реальной действительности. Здесь герои решают неожиданные трудные задачи не сверхъестественными, а самыми земными, человеческими, способами. Они по сути “спускаются с неба (от сверхъестественного понимания действительности) на землю (к реальному пониманию ее)”. С этого времени это вполне реальные люди живой социальной действительности, а героями они становятся благодаря своим мудрым действиям.

В процессе дифференциации материалов бытовой сказки хуэйцзу мы выделили сюжеты о трудных задачах в положительной части бинарного тематического разряда сказок о мудрости, смелости, находчивости и глупости в отдельный мотивационный подразряд.

Сюжеты о трудных задачах (“Мудрость бедной девушки”, “Государь и мальчик”, “Братья единого сердца”, “Отец испытывает сына”, “Положа руку на сердце”, “Справедливый Ван”, “Возвращение блудного сына”) объединены некоторыми традиционными художе-

ственными элементами волшебной сказки. Однако они не заимствованы из смежного жанра сказочного эпоса, а преобразованы из волшебной сказки.

В принципе многочисленные эстетические элементы волшебной сказки до сих пор служат важными художественными средствами для развития сюжетных ходов в рассматриваемом подразряде текстов. В сказке “Мудрость бедной девушки” (АаАн 875 I / “Мудрая жена”)¹ героиня из простой крестьянской семьи выходит замуж за императора благодаря своим мудрым поступкам. В сюжете “Братья единого сердца” (АаАн 921 IA / “Куда тратятся деньги”) важную функцию выполняет незаметно появляющийся белобородый старец, которого можно отождествить с широко распространенным шэньсянем – дарителем из волшебной сказки. В тексте “Государь и мальчик” (АаАн 922 I / “Акир Премудрый”) ребенок спасает от казни своего отца, вынужденного отвечать на сумасбродные вопросы, заданные императором своим чиновникам, и т.д.

Сюжеты о трудных задачах бытовой сказки красноречиво свидетельствуют о сложном переплетении всех жанров сказочного эпоса. В процессе эволюционного развития они постоянно находились в естественном состоянии сближения, смешения, отдаления и т.д. Поэтому многие фольклористы испытывают серьезные трудности во время классификации сюжетов сказочного фольклора. Не случайно известный исследователь русской народной сказки В.П. Аникин утверждал, что “нет твердой границы, которая отделяет волшебную сказку от бытовой, равно как и от сказок, в которых действуют животные”².

О *мудрых судьях*. Бытовые сказки хуэйцзу о мудрых судьях порождены главным образом популярными произведениями гуньань³. Не

¹ Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. – Л.: Гос. русс. георг. общ., 1929. – 118 с.

² Аникин В.П. Русская народная сказка. – М.: Худ. лит., 1984. – С. 37.

³ Литературные сочинения о судебных делах стали популярны в Китае с XI–XII вв. К этому периоду сложился особый тип художественного

случайно аналоги некоторым указанным в таблице сюжетов сказкам легко обнаружить в средневековой китайской письменной литературе. Известный синолог Б.А. Васильев еще в 30-е годы XX века обратил внимание на сюжеты о мудрых судьях в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии, которые тесно связаны с китайскими романами “Дела судьи Бао”, “Дела судьи Ци” и т. д.⁴ Народ через посредство целой армии профессиональных сказителей – шошуди – вернул обратно в фольклор эти занимательные сюжеты гуньаня⁵.

В процессе подготовки материалов нами зафиксированы такие сказки, как “Судья Бао применяет хитрость”, “Как судья Бао пытал каменную плиту”, “Как судья Бао пытал осла”, “История о спрятанном топоре”, “Судья Ши помогает землекопу”, “Уездный начальник разоблачает лодочника”, “Визирь и осел” и др.

Из зафиксированных текстов о мудрых судьях у хуэйцзу Центральной Азии наиболее известны новеллистические сказки о благородном судье Бао. нами обнаружены шесть до конца развернутых сюжетов об этом знаменитом в древнем Китае чиновнике. Собственно образ Бао-гуна мы уже встречали в сюжетах других тематических разрядов бытовой сказки (“Как можно потерять должность из-за одной медной монеты”, “Уничужение” и др.). Настоящие сюжеты красноречиво говорят о широкой популярности в фольклоре хуэйцзу ле-

творчества под названием “гуньань”, которое буквально переводится как “судебное дело”. Именно с рассказами, повестями, романами и драмами гуньань связан истинный расцвет “судебной” художественной литературы на Дальнем Востоке.

⁴ Васильев Б.А. Устная литература дунган // Записки Института востоковедения АН СССР. – Т. I. – Л., 1932. – С. 246.

⁵ “Кочевка” многих популярных сюжетов из устного фольклора в письменную литературу и обратно – достаточно традиционное явление в культуре народов Дальнего Востока. В этом плане между традиционно-мнемоническими и повествовательно-эстетическими жанрами в фольклорном фонде народов этого региона всегда существовали живые взаимосвязи.

гендарного защитника справедливости Бао Сесу-гуна¹.

В принципе образ этого часто встречаемого в фольклоре многих народов Китая героя² во многом идеализирован, что связано с обстоятельствами его чудесного рождения. Великий рассказчик Ши Юйкунь утверждал, что отцу Бао Чжена в момент появления его сына на свет во сне явилось клыкастое рогатое чудище с черным лицом и рыжими волосами. В левой руке это существо держало казенную печать, в правой – красную кисть. Конечно, это неназванное в тексте чудище есть не кто иной, как дух звезды Куэйсинь – покровитель литераторов. Именно поэтому Бао-гуна иногда вообще считали сыном самого духа Куэйсинь³.

В новеллистических сказках хуэйцзу Бао-гун изображается правителем столичного города, мудрым судьей, выразителем народных интересов. В своих судебных разбирательствах он использует главным образом замечательные человеческие способности. Его оружием в распутывании сложнейших криминальных дел является удивительная проницательность. Именно при помощи этого человеческого качества он восстанавливает справедливость. В принципе прием раскрытия преступления бла-

годаря неожиданной хитрости считается основным художественным элементом во всех “детективных” сюжетах о мудром судье Бао⁴.

В сказке “Как судья Бао пытал каменную плиту” для поимки вора, укравшего монеты у мальчика – торговца пончиками, когда тот оставил корзину с деньгами без присмотра на каменной плите, приказывает перенести в зал суда плиту и бить ее палками, пока она не “скажет”, кто украл деньги. Услышав смех в зале, он приказывает стражникам запереть все двери. Затем предлагает каждому при выходе опустить в чан с водой мелкую монету. По масляным пятнам на воде судья находит вора.

О сметливых плешивых. Чрезвычайно популярны и очень много в бытовой сказке хуэйцзу сатирических сюжетов о веселых похождениях “тузы” (плешивого). Это “Семеро плешивых” (AaTh 1535 “Богач и бедный крестьянин”, 1537 “Труп, убитый пять раз”)⁵, “Трое плешивых” (AaTh 1536 В “Три брата горбуна вытаскиваются”, AaAn 1730 1 “Мужик хоронит трех попов”), “Смышленный плешивый” (AaTh 465 “Получение красивой жены”, 465 А “Пойди туда, не знаю куда”, 465 С “Путешествие в иной мир”) и др.

Образ плешивого роднит фольклор хуэйцзу с фольклором некоторых соседних народов. Аналогичный персонаж с той же пример-

¹ Бао Сесу-гун (т.е. Почтительный и Строгий князь Бао) – его посмертный титул, так как он был обожествлен в качестве одного из судей загробного мира.

² Настоящее имя легендарного чиновника Бао Чжен. Он родился в 999 г., в действительности был правителем города Кайфын – столицы северосунской династии, умер в 1062 г.

³ Элементы идеализации Бао Чжена находим даже в его официальном жизнеописании. В знаменитой книге “История династии Сун” (XIII в.) есть следующие строки: “Находясь во дворце, он всегда был решителен и тверд, родные и близкие государыни не смели при нем чинить беззакония. Все, кто слышал о нем, трепетали. Улыбку его люди сравнивали с чистой водой в реке Хуанхэ. Малые дети и женщины – все звали его Бао дайчжи, то есть придворный чиновник Бао. В столице тогда говорили: “Раз есть подобный Владыке ада старец Бао, ни за взятку, ни по знакомству на экзамене не пройдешь” (Ши Юйкунь. Трое храбрых и пятеро справедливых. – М.: Худ. лит., 1974. – С. 10).

⁴ Здесь следует обратить внимание и на факт биографии легендарного чиновника Бао Чжена. В помещенном в “Историях династии Сун” официальном жизнеописании весьма мало говорится о чисто “детективных” способностях Бао Чжена. В нем приведена единственная история, в которой он разоблачает человека, отрезавшего язык у коровы, принадлежащей соседу. По предположению Б.Л. Рифтина, даже это единственное упомянутое в жизнеописании дело о корове, скорее всего, приписано Бао-гуну, так как в “Зерцале судебных казусов”, созданном на сто лет раньше, чем “Истории династии Сун”, аналогичный случай расследует некий уездный начальник Цянь Хэ. По всей вероятности, как часто бывает в фольклоре, многое просто впоследствии приписано Бао-гуну рассказчиками.

⁵ The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Clerzeichnis der Marchenypen (FFC №3). Translated and Enlarged by St. Thompson, sicon redision. – Helsinki, 1961.

но функцией хитрого обманщика, удачливого плута, всегда добывающегося цели, присутствует в тюркском сказочном эпосе, где он называется сходным по звучанию словом “газ”, засвидетельствованным еще в древнетюркских памятниках¹. Вполне возможно, что актуализация этого образа у хуэйцзу связана именно с влиянием фольклора соседних тюркских народов, так как в фольклоре народов Дальнего Востока образ плешивого не имеет столь яркого развития.

Существует много общего в противопоставлении плешивого и его соперников в фольклоре хуэйского, монгольского, саларского, казахского, кыргызского, уйгурского, узбекского и других народов. Общность заключается в том, что герой обычно выступает один против нескольких человек. У казахов – плешивец против девяти братьев (“Похождения паршивого”)², у уйгуров – плешивый против девяти братьев (“Хитрый обманщик”)³, у монголов – плешивый против семерых плешивых (“Коротышка и семеро плешивых”)⁴, у кыргызов – плешивый против семерых плешивых (“Один и семеро”)⁵, у хуэйцзу – плешивый против семерых плешивых (“Семеро плешивых”) и т.д. Такая общая тенденция в противопоставлении плешивого и его соперников говорит о едином, сходном круге сюжетов у народов Северо-Западного Китая и Центральной Азии, что продиктовано общностью условий социального развития и “встречным течением”⁶ сюжетных материалов.

Некоторые сюжеты о плешивом, судя по отраженным ритуалам, поверьям и традициям, исходят из творчества далеких предков: деса-

кранизованных сюжетов из бытовых рассказов, порожденных социально-бытовыми условиями жизни в дуальном обществе в эпоху его распада. К такому сюжету можно отнести сказку “Семеро плешивых”, состоящую из целой серии отдельных рассказов о хитром плешивом, который обманывает своих противников. Формирование этого сюжета происходило в соответствии с закономерностями, характерными для известных произведений, непосредственно восходящих к дуалистическим мифам, структура содержания в которых – это целый цикл одноэпизодных рассказов о необычных ситуациях. Самые яркие в этом сюжете три эпизода: торговля по обманному наущению плешивого, манипуляция телом матери, убитой врагами, и получение баранов со дна озера.

Аналогичные сказки очень популярны в мировом фольклоре. В международном каталоге Аарне–Томпсона они приведены под номерами 1535 (“Богач и бедный крестьянин”) и 1537 (“Труп, убитый пять раз”). Такие сказки есть у кыргызов, казахов, туркмен, татар, узбеков, якутов, алтайцев, монголов, калмыков и других народов. Довольно убедительное исследование этого сюжета проведено Е.Д. Турсуновым. Им делается попытка с этнографической точки зрения обосновать генезис известных эпизодов (“привязывание трупа матери на спину животного”, “мнимое добывание скота в подводном царстве”). Автор трактует эпизод привязывания на спину животного трупа матери, убитой противниками, как отражение и профанацию реального древнего обычая наземного захоронения умершего, бытовавшего с конца мезолита, реликты которого сохранились еще в обряде захоронения шаманов у тувинцев⁷.

О находчивых решениях. В сказочном фольклоре существуют сочинения, которые возникли как результат переосмысления сюжетов смежных жанров. Отнесение таких произведений к какому-либо определенному виду сказки – весьма сложная задача. Объясняется это недостаточной разработанностью научной методики классифицирования текстов повест-

¹ Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – С. 67.

² Турсунов Е.Д. Генезис бытовой казахской сказки. В аспекте связи с первобытным фольклором. – Алма-Ата: Наука, 1973. – С. 39.

³ Малов С.Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы и словарь. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 57–59.

⁴ Монгольские сказки / Сост. и послесл. Г.И. Михайлова. – М.: Гослитиздат, 1962. – С. 25–27.

⁵ Киргизские народные сказки / Сост. А.А. Брудный. – Фрунзе, 1973. – С. 219–222.

⁶ Никулин Н.И. Предисловие // Сказки народов мира. – М.: Дет. лит., 1987. – С. 11.

⁷ Турсунов Е.Д. Генезис казахской бытовой сказки. В аспекте связи с первобытным фольклором. – С. 41–43.

вовательно-эстетического рода прозаического фольклора.

Сюжеты о находчивых решениях, в которые в качестве действующих персонажей введены люди и животные, в зависимости от принципа классификации могут быть отнесены к различным видам сказочного жанра. Не случайно В.Я. Пропп, который достаточно уверенно дифференцировал сюжеты волшебной сказки, здесь призывал к осторожности в определении жанра. В конечном итоге ученый видел единственный разумный подход в выявлении жанра этих спорных текстов – принцип А.Н. Афанасьева, позволяющий решать сложившуюся задачу с помощью основного объекта или субъекта повествования¹.

Рассматриваемые сюжеты “есть результат длительного процесса перерождения одного вида в другой”². Они, скорее всего, восходят к сказкам о животных, в которых важным элементом считается трюкачество, заложенное еще дуалистическими мифами и первобытными бытовыми рассказами. В таких сюжетах одни животные при помощи трюкачества надуют других с единственной целью – спастись от смерти. В обстановке, близкой к повседневной жизни, в сюжетах появляется антитеза, свидетельствующая о появлении в текстах сатирических ноток. Со временем ловкие животные уже заменяются людьми³. С появлением в сюжете человека сатирическое начало усиливается. Отныне герой обретает “характер не только хитрости ради спасения жизни, но и действий, направленных на вы-

смеивание глупого противника”⁴. В самом деле, “сказка о столкновении человека с животным всегда смешна – и прежде всего потому, что победа достигается с помощью традиционного трикстерского оружия – хитрости”⁵.

Сказки о находчивых решениях обладают специфическими признаками. В содержании текстов всегда наблюдается смещение реального плана в изображении действительности. Смещение от действительности в сторону фантастики “в форме гиперболы, художественного преувеличения, но гиперболы особого рода – реалистического гротеска”⁶. Сатирическая гипербола употребляется не с целью идеализации, возвеличения, поэтизации положительно-прекрасного, а “с целью обличения, снижения, сатирического и комического осмеяния и разоблачения отрицательно-безобразного или устаревшего”⁷. В итоге изображаемые в гротескной, заостренной, гиперболической форме реальные явления становятся фантастикой⁸.

В фольклоре хуэйцзу Центральной Азии к таким сатирическим произведениям относятся “Ахун и волк”, “Дровосек и волк”, “Крестьянин и обезьяна”, “Пастух и змея”, “Охотник и тигр” и т.д. В них положительные персонажи благодаря уму, находчивости и смекалке побеждают обличаемых и осмеиваемых отрицательно-безобразных. Здесь фантастике на основе чудесного противопоставлена фантастика на основе реального главным образом в форме реалистического гротеска, который является основополагающим художественным принципом сатирико-комической образности в бытовых сатирических сказках.

В ряде сюжетов гротескные формы комизма доходят до злого сарказма, обличая отрицательно-безобразные явления окружающей жизни. В сказке “Крестьянин и обезьяна”

¹ Пропп В.Я. Русская сказка. – Л., 1984. – С. 300–301.

² Там же. – С. 254.

³ По мнению Е.А. Костюхина, некоторые из таких сюжетов предположительно восходят к мифам-быличкам. Замечательный исследователь животного эпоса не исключает возможности, что сюжет “Медведь на липовой ноге” корнями уходит именно к мифам-быличкам, так как это подтверждается довольно узкой локализацией сюжета – в основном у восточных славян и в Прибалтике. Но миф-быличка вовсе не был смешным и он был призван для решения иной эстетической задачи (Типы и формы животного эпоса. – М.: Наука, 1987. – С. 90).

⁴ Турсунов Е.Д. Генезис казахской бытовой сказки... – С. 68–69.

⁵ Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. – М.: Наука, 1987. – С. 90.

⁶ Соболева Н.В. Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. – Новосибирск: Наука. – С. 95.

⁷ Там же.

⁸ Померанцева Э.В. Русская народная сказка. – М.: АН СССР, 1963. – С. 100–101.

обезьяна досаждала крестьянину со дня посева пшеницы. Угрозами требует она поровну поделить будущий урожай, хотя сама палец о палец не ударит, чтобы вырастить пшеницу. Однажды крестьянин предлагает обезьяне отдохнуть под деревом. Хорошо изучив ее повадки, он берет нож и проводит лезвием себе по горлу, а затем пять раз тычет ножом в живот. На вопрос удивленной обезьяны, что это значит, крестьянин объясняет, что это магический обряд и он очень важен перед сном, ибо увели-

чивает силу прошедшего его, а если еще покажется кровь, то это увеличивает силу в два раза. Конечно, стоило крестьянину, притворившись спящим, закрыть глаза, как жадная обезьяна тут же выкрадывает нож, старательно совершает “таинственный обряд” и умирает от потери крови.

Таким образом, бытовые сказки хуэйцзу о мудрости, находчивости не заимствованы из смежного сказочного жанра, а имеют свою самостоятельную структуру.